

Смотри в прошлое и слушай...

Тело Сейоса не успело упасть, прежде чем само время замедлилось. Его тело остановилось в воздухе, едва ли вообще падая, а Ройо просто смотрел.

Его собственные движения тоже почти остановились, хотя разум, похоже, нет.

Это делает Глаз? Он убрал его себе в пояс, но теперь хотел от него избавиться, но, если судить по скорости его руки, ждать ещё не меньше минут десяти.

Глаз пытается что-то ему показать? Помочь понять что-то?

Он только что убил человека. Вряд ли это можно было назвать случайностью.

Ройо попытался изучить Сейоса поближе. Умиравший Хунь'шо был как вулкан. Но не из-за полного тела магмы. Скорее из-за невероятного выхлопа чистых эмоций и информации. Её было так много, она извергалась во всех направлениях.

Наверно Пронзительный Глаз пытался дать ему время изучить её всю.

Да, должно быть так и есть, решил Ройо. Глаз не замедлил само время, просто его восприятие времени.

Чудесно. Теперь он здесь застрял, придётся наблюдать за смертью этого ублюдка в жутком замедлении, пока его рука медленно тянется к Глазу.

Ройо не волновало ничего из того, что он видел. Он не хотел знать историю Сейоса.

Но делать больше было нечего.

А. Перчатка. Предмет ответственный за убийство Сейоса. Ройо ещё не знал, есть ли у неё имя, так что пришло время изучить её Глазом.

Демоническая Хватка, сказал ему Глаз. Артефакт способный увеличивать силу носителя до ста тысяч раз. Создан сто двадцать два года назад Моргуновым.

Глаза Ройо могли бы широко раскрыться, если бы он мог ими быстро двигать. Он попытался добиться от Глаза большего количества деталей.

Предмет требующий тщательных тренировок для достижения полного потенциала.

И это было всей информацией, которую ему сообщил Глаз. Он бы хотел больше узнать о Моргунове, поскольку имя определённо узнал, но Пронзительный Взгляд, похоже, так не работал.

Значит, он наконец-то обнаружил хоть какие-то пределы. Ему уже начинало казаться, что у Глаза вообще нет ограничений.

Ещё осталось где-то девять десятых пути руки до Глаза.

Он хотел вздохнуть.

А ещё осмотреться и проверить Коробку Вечных Мук, но для этого требовалось повернуть голову.

Ладно. Он посмотрел на всё ещё падающего Сейоса.

Информации было так много, что Ройо даже не знал с чего начать.

Он полагал, что это делало его любопытным, в прочем. Чем была вся эта информация? Просто эмоциями? Нет, не может быть. Смерть ведь не такая сложная штука?

Наверно, всё-таки такая. Особенно для бессмертного Хунь'шо.

Ройо захотел улыбнуться.

Он выбрал первую «штуку», на которой остановились его глаза, и попытался её распаковать.

Воспоминание, видимо. Чего? Что за цвет? Зелёный? Такой яркий. Ройо не часто видел этот цвет в своей жизни, особенно не в таких оттенках. Растения, полагал он.

Должно быть, так выглядит поверхность. Он читал достаточно о ней. Так Сейос бывал на поверхности? Ублюдок. Часть Ройо всегда хотела отправиться туда, ещё с самого детства, но он знал, что для Хунь'куй это невозможно. Окружающая среда там была смертельна.

Может для бога это будет возможно. Вот теперь появилась мысль.

Ройо отправился к следующему воспоминанию, даже не углубляясь. Их было так много. Он просто хотел найти что-нибудь интересное. Может даже информативное. С такой продолжительной жизнью, как у этого ублюдка, можно узнать всевозможные полезные штуки, верно? Смысл в этом был.

Но он не знал, есть ли возможность некоего поиска, а не просто выбирать те, которые привлекают его взгляд. Он попытался добиться от Глаза большего. Более ясного.

И Глаз дал ему это.

Воспоминания стали различимее. Не визуально, наверно, но всё равно. Восприятие самого Глаза было видимым. Вся эта информация устремляющаяся в его мозг не была текстом, который нужно прочитать. Скорее она просто появлялась в его голове и описывала себя сама – к счастью, она всё ещё отличалась от его собственных мыслей.

И все эти воспоминания стали связаны друг с другом, образовав линию времени. Ройо теперь мог двигаться от самого начала.

На это потребовалось время.

Были и заметные пробелы, что, полагал Ройо, было логично. Воспоминания затуманиваются и теряются со временем. Забывать было человечно. Он уже начинал думать, что Хунь'шо не люди, но, возможно он был не прав.

Вот оно. Самое древнее воспоминание.

Это было лицо. И не Хунь'шо, даже не Хунь'куй, лицо человека с поверхности.

Для Ройо они все выглядели почти одинаковыми, но он мог, по крайней мере, сказать, что это был мужчина, и довольно старый. Он говорил что-то, но, видимо Сейос не мог его понять, как и не мог Ройо.

Он потребовал больше деталей. Глаз их предоставил.

Старик в этом воспоминании был отцом Сейоса, Аваросом, воплощением Авара.

Связанные воспоминания теперь имели больше смысла для Ройо, больше они не были отдельными кусочками, скорее совмещёнными группами.

Этот человек был отцом первого поколения Хунь'шо. Поколения, частью которого был Сейос.

Аварос дал своим детям всё. Целый век он потратил на их обучение, возложил на них все свои надежды.

И Ройо начал видеть...

Юный Хунь'шо. Мальчик, по любым стандартам. Но с несравненным отцом.

Аварос вдохновлял их всех. Он привил им принципы нравственности. Доброты. Надежды. Процветания. И, конечно, мира. Он учил их всех идеальному миру. Миру, который Он хотел построить с их помощью. Поэтому Он сделал их такими. Поэтому Он даровал им бессмертие.

Мальчик мог лишь восхищаться Им. Аварос персонифицированное величие, любящий их всех в равной величине, дающий им всем равное внимание.

Под Его руководством Хунь'шо процветали. Поначалу их количество быстро росло, Аварос научил их делать детей. Новые воплощения себя. Идентичные в каждом физическом аспекте, но несущие новую душу и новое рвение. Мужчина или женщина, каждый Хунь'шо способен приносить жизнь в этот мир.

Тогда мальчику это показалось странным. Он отправился изучать мир поверхности и его людей. Мужчин и женщин его. Он решил спросить Отца, почему Он решил дать Хунь'шо два пола.

– Вами, дети мои, я сделал лучшее, что мог, дабы воссоздать успех человечества, как я его видел. И в то же время, избежать ошибок. И я не считаю, что два пола одна из этих ошибок.

Мальчик не был уверен, понял ли он, но это не многое означало. Изучить предстоит ещё многое и у него вечность времени впереди.

Они усердно трудились, каждый из его собратьев. Они строили. Следовали каждой команде Авароса, слушали каждое Его слово и желание. Они стали Его идеальными людьми. И мир, который они создали себе, был хорошим.

Некоторое время.

Отец начал меняться. Его поведение. Его действия. Он становился нетерпеливее к ним, временами. Не таким добрым, каким однажды был. Больше и больше казалось, что Он тревожится, но кто бы ни спрашивал, он говорил, что всё в порядке. Что мир чудесен. Что они почти достигли Его идеала.

Почти достигли. Почти. Всегда почти.

Мальчик и его собраты продолжали идти вперёд, неудержимо. Однажды идеал будет достигнут. Они бессмертны. Это неизбежно. Однажды. И тогда Отец вновь улыбнётся. Отец снова будет счастлив.

Но этого не произошло.

Вместо этого Отец создаёт Хунь'куй.

Они другие. Совсем другие. Каждый из них отличается физически. Никто не может размножаться бесполом образом. Они гораздо больше похожи на несчастных бедняг с поверхности, чем Хунь'шо.

Мальчик сочувствует Хунь'куй. Но понимает их, как и другие Хунь'шо. Отец создал этих пепельных существ, чтобы Хунь'шо могли наставлять их к собственному уровню величия – и, делая это, наверно даже достигнуть большего величия. Тогда Хунь'шо будут похожи на отца, как никогда раньше.

Мальчик делает всё, на что способен. Дружит со столькими Хунь'куй, со сколькими может. Многие из них приятны. Многие забавны.

Но у них такой маленький потенциал. Они такие примитивные. Так трудно общаться с ними на любом уровне знаний выше поверхностного понимания.

Они дикие. Они импульсивные. Они едва лучше животных, полностью повинующихся инстинктам. На достижение цивилизованности уйдут долгие, долгие годы, чувствует мальчик.

Но это тоже нормально. Хунь'шо даровано бессмертие. Сколько бы времени не потребовалось, дело будет сделано.

И всё же...

Отец проводит столько времени с Хунь'куй. Им постоянно требуется его внимание, они постоянно отчаянно нуждаются в нём. Конечно. Они не могут помочь себе сами. Они жалкие как новорождённые дети, а учатся даже медленнее. Целые поколения Хунь'куй сменяются, повторяя одни и те же ошибки на протяжении всей жизни.

Так почему отцу гораздо больше нравится их компания? Почему Он прощает и забывает их проступки? Он растил Хунь'шо не так. Он был строг. Был поучителен. Был внимателен. Но теперь в Нём не было ничего из этого. Теперь Он проводит почти всё своё время с Хунь'куй, даже не утруждается обучением их хоть чему-либо. Он просто тратит с ними время, что только усиливает собственную проблему пустой траты времени Хунь'куй, разве нет?

Постепенно всё начинает разваливаться. Мальчик видит это, день за днём. Мир, который он и его собраты построили под руководством Отца, начинает гнить. Прогресс теряется. Потенциал теряется.

Мальчик не знает что делать. Обычно Отец бы приободрил или научил его чему-то новому, чему-то полезному для всех. Но Отец не делает этого. Отец слишком занят с Хунь'куй.

Их работа разваливается. Они не могут помочь Хунь'куй. Их так много. Хунь'куй размножаются со скоростью недоступной Хунь'шо. Работы слишком много, слишком многим нужна помощь.

Мальчик говорит Отцу о своих тревогах.

Но Отец ничего не делает. Он просто говорит продолжать пытаться.

В этом так мало смысла. Разве Он не создал Хунь'шо для достижения Своего идеала? Почему, тогда, хорошее поведение Хунь'шо остаётся не вознаграждённым? Почему плохое поведение Хунь'куй всегда привлекает внимание Отца? Даже его привязанность?

Мальчик не понимает. Хунь'шо не любимые дети Отца? Как такое возможно? Они работают настолько усерднее Хунь'куй. Каждый день они стараются стать лучше, следовать наставлениям Отца.

Почему это так больно? Хунь'куй, даже со всем вниманием отца, по большей части просто жалкие. Столько из них нуждаются в помощи, и они все не могут одновременно наслаждаться величием Отца.

Мальчик не знает, сколько ещё сможет выдерживать это. И его товарищи, другие Гоны, все они показывают похожие чувства.

Но что можно сделать? Это ведь Воля отца, разве нет?

Их мир становился ужасным местом. Полным застоя, болезней и страдания. Это не могло быть идеалом, которого так желал Отец.

Тогда, в один день, когда надежда мальчика подходила к самому концу, другой Хунь'шо пришёл к решительным действиям.

Его звали Торош. Ровесник мальчика, один из первого поколения, хотя некоторые теперь считали его своим лидером, величайшим из Гонов.

Торош начал лишать Хунь'куй свободы. Он даже говорил о том, чтобы казнить некоторых из них, тех, кто совершил особенно страшные преступления.

Пока остальные Хунь'шо всегда уступали Отцовскому вечно-прощающему суждению, Торош пошёл против Него. Спустя некоторое время, Торош рассказал им о своём решении.

– Если мы хотим помогать Хунь'куй, по-настоящему помогать им, то продолжать как раньше мы не можем. У нас есть всё время мира для достижения наших целей, но у Хунь'куй нет. Лёгкий подход не милость и не доброта. Порядок должен быть установлен, если мы хотим получить хоть какую-то надежду на прогресс.

Мальчик согласен, по большей части, но он боится идти против Отца. Он не думает, что это разумно. И потому не присоединяется к Торошу в этом решении. Мальчик закапывает эти мысли глубоко в себе, как делал всегда. Он следует приказам Отца.

Как и большинство Хунь'шо. Действия Тороша разделили их.

Когда Отец узнал, что делает Торош и остальные, Он не разозлился. Но и не был доволен. Он устрашающе спокойный.

– Свобода неотъемлемая часть идеального мира, – сказал им Отец. – Если вы не понимаете спустя всё это время, то, полагаю, это моя неудача. Простите меня, дети мои.

Отец освобождает их заключённых. И вместо этого заключает Тороша и его последователей.

Мальчик теперь боится больше, чем когда-либо. Но он рад, что не послушался Отца.

Время идёт, мальчик всё больше убеждается в том, что Торош был прав. Страдания Хунь'куй продолжаются неустанно. Даже если пепельные отбросы стараются изо всех сил, наблюдать за ними каждый день становится болезненно.

Бессмысленно. Бессмысленно и ужасно.

Мальчик сдаётся. Нет смысла продолжать это и дальше. Он решает прекратить волноваться и просто делать, что ему скажут. Так было лучше. Было лучше не беспокоиться. Волнение приносит лишь разочарование, горечь и боль. Позволить себе наплевать на всё это было единственным реальным решением, понял он.

Наверно в этом и был настоящий урок отца. Что страдания бесконечны и надежда на лучшее лишь упражнение в тщетности.

И тогда появляется человек.

Нет.

Не просто человек. Нечто большее. Равный Отца.

То, как они разговаривают друг с другом. То, как проявляют уважение. И, больше всего, то, как они спорят. Редко мальчик видел Отца таким же злым, каким он был во время разговоров с этим человеком.

Мальчик испытывает любопытство впервые за долгие годы. Он желает узнать больше об этом человеке. Он решает спросить.

- У меня нет имени, малыш. Поскольку я Тот, Кого Нет.

- Зачем вы пришли сюда? - спросил мальчик.

- Я всегда был здесь. Я знаю о твоей внутренней борьбе, юный Сейос. Я знаю, что ты чувствуешь себя потерянным. Ты веришь, что Аварос ответственен за проблемы твои и твоего рода?

Мальчик не знает что сказать. Он не хочет лгать. Но и не знает, винит ли он Отца. Наверно, часть него винит, даже если он не позволяет себе этого признать.

- ...Ты любишь Авароса, даже сейчас?

На это, по крайней мере, мальчик может ответить. - Да, конечно я люблю. Он мой отец.

- Ты хороший сын.

Мальчик не знает, что думать или чувствовать. Каким-то образом этот мужчина напоминает ему каким был Отец. Есть в нём... теплота, которую мальчик уже очень давно не чувствовал.

- Я постараюсь помочь тебе, если смогу.

Но насколько быстро появился этот человек, настолько же быстро Тот, Кого Нет снова исчез.

Мальчик испытывал больше противоречий, чем когда-либо. Был больше сбит с толку, чем

когда-либо. Он хочет уйти, хочет путешествовать и узнать больше о Том, Кого Нет, но мальчик напуган.

Поэтому он остаётся.

Всё становится хуже. Хунь'куй не объединяются. Или, скорее, они не могут. Как бы ни пытались, другие Хунь'куй приходят грабить и убивать их, отбирать у упорно трудящихся плоды их работы. Это не справедливо.

И всё равно, Отец продолжает пытаться изменить саму природу Хунь'куй одними словами. Даже несмотря на то, что это Он сделал их такими. Он хочет, чтобы они сами делали правильные решения. Он хочет, чтобы они были высоконравственными, как Хунь'шо.

Или, хочет ли? Мальчик уже не знает. Теперь Аварос для него тайна.

Но это не имеет значения. Мальчик беспомощен и ничего не может с этим сделать. Это территория Авароса и никто не смеет идти против Его воли.

И тогда это случилось.

Аварос пропадает.

Не было предупреждения. Не осталось следа. Он просто исчез.

И никто не знает что делать.

Хунь'куй паникуют. Как и Хунь'шо, хотя более сдержанно. Без наставлений и защиты мир неожиданно стал гораздо ужаснее.

Вскоре, однако, приходит мужчина, полностью завёрнутый в бинты. Он не говорит, но принёс письмо для Хунь'шо и Хунь'куй.

Письмо от Того, Кого Нет.

– Теперь вы свободны, – написано в нём. – Живите по своей воле и желайте жить как желаете. Всё, что я мог сделать для вас, я сделал. Прощайте.

Прошли ещё долгие годы. Торош и его последователи были освобождены в это время. Они озадаченны настолько же, насколько и остальные, когда узнают о произошедшем, но Торош сумел собрать Хунь'шо и помочь наставить Хунь'куй к порядку. Это было трудно, поскольку пепельным негодьям предстоит многому научиться и часто они не желают, а иногда агрессивно настроены.

Требуется твёрдая рука. Хунь'шо согласны. Это будет против воли Авароса, который был с ними последнее время, но не против воли Авароса, который их растил.

Поэтому они подчиняют Хунь'куй силой. Это жалкий процесс. Изнурительный и часто кровавый. Но мальчик не видит надежды в альтернативе. Позволить Хунь'куй оставаться свободными не кажется ему мудрым решением.

Но мальчик оказался не способен держать рабов сам. Ему это показалось слишком неприятно, даже если он понимает логику своих братьев и согласен с ней. Он не может полностью отказаться от тени Авароса, даже если другим это удаётся.

Вместо этого, подобие организованности и надежды на мир оказалось достигнуто, а мальчик решает отправиться путешествовать. Он верит, что многое предстоит изучить, где-то ещё в этом мире.

И он оказался прав.

Он узнаёт о других богах. Узнаёт об их внезапном исчезновении.

И, наверно, важнее всего то, что узнаёт истории о Том, Кого Нет. Боге Всего, Чего Нет. О Пустоте. У него множество других имён. Это сбивает с толку, потому что каждая культура зовёт Его как-то иначе. Словно Он никогда не говорил, кто он такой.

Из всех историй о других богах, которые слышал мальчик, ему кажется, что Бог Всего, Чего Нет самый вредный. Во всех историях Он вмешивается в планы других богов, разрушает их старания, шутит над ними. Некоторые даже описывают Его как злого – даже как само Зло.

Но мальчик так не думает. Он желает встретить Бога Всего, Чего Нет вновь, но из всех историй точно следует лишь то, что Он ушёл.

Все боги, все Первобытные ушли. Бог Всего, Чего Нет убрал их из мира, за исключением одного.

Маласт. Бездействующий Бог. Бог Преисподней.

Мальчик ищет Его, оставшегося бога.

На это уходит очень, очень много времени. Тысячи лет.

Мальчик становится вором в своём пути, потому что из всех историй, которые он слышал, это единственный способ привлечь внимание Маласта. Украсть – или, по крайней мере, попытаться украсть – Урну Роста.

Мальчик Волнуется. Это ужасно опасно, конечно. Никто во всех историях не переживал гнев Маласта. Все умирали пытаясь. Но мальчик уверен в своих навыках. Он обзавёлся несколькими важными артефактами в своём путешествии, которые украл у безответственных и недостойных. Посох и Медальон Юнсо, в частности.

Ему удаётся. Он сбегает с Урной. Но не смеет открывать её. Он многое узнал о страшных магических артефактах вроде неё. И, конечно, это никогда не было его целью. Он желал поговорить с Маластом, а не превратиться в кучку пыли из-за гнева божьего.

Поэтому мальчик начинает планировать.

Спустя все эти годы он возвращается к своим родным, к себе домой. И оказывается в землях невероятного процветания. Он не удивлён. Он слышал слухи о Хунь'шо по всему миру, приглушённые истории об их величественности и могуществе, которых боятся и желают.

Мальчик не мог не гордиться. Он ещё никогда не чувствовал такого единства со своими братьями, как сейчас. Это было чудесно. И он был ещё довольнее, когда они пригласили его домой – как и они, поскольку он принёс с собой очень, очень много подарков.

Он стал Гоном вновь и старался помочь Хунь'шо достичь ещё больших высот величия.

Хунь'шо теперь так много. И так много Хунь'куй. Но больше они не проблема, которой были

когда-либо. Инфраструктура и порядок превратили их в благословление. В потенциал.

Он берёт своих подданных и строит город. Гиммистат. Это было делом колоссального масштаба, и работы было больше, чем он представлял, проблем больше, чем он мог исправить, но он никогда не забывал свой план. Никогда не забывал свою цель – встретить последнего бога в этом мире.

Остальные Гоны теперь были трудными. Любовь, которую он когда-то чувствовал к ним, теперь исчезала довольно быстро. Все они завидовали ему. Сколько бы он не делился, они всё равно желали большего. Они будто считали, что он недостойн своего богатства – и своих последователей тоже. Другие Гоны посчитали успех Гиммистата заслугой не его действий, а непосредственно его подчинённых.

Это раздражает мальчика. Потому что он знает, что в этом больше правды, чем он может признать. Торвейс, в частности, очень компетентен и представитель. Даже Хунь'куй, похоже, искренне привязаны к нему. И мальчик слышит шёпоты, тайные разговоры желающие сделать Торвейса новым Гоном Гиммистата.

Они не понимают. Но он им покажет.

Он строит хранилище. Величайшее хранилище в мире. Гиммикель. Здесь, ему наконец-то удаётся построить сцену для встречи с Маластом. И защищать всё, что принадлежит ему, тоже.

На это уходят долгие годы, но ему удаётся. Он использует несколько из Инструментов Ратмора, чтобы помочь закончить работу и даже создаёт сеть соединяющую Гиммикель с отдалёнными сокровищницами, которые создал во время своих путешествий.

Так много работы. Всё стремилось к этому. Райское Сокровище.

И наконец, когда всё готово, он пускает слух. Слух о том, что Урна Роста спрятана в Гиммикеле.

И действительно, Маласт приходит, ищет её.

Поначалу мальчик осторожен, не показывается перед богом напрямую. Со временем, однако, он видит, что Маласт вовсе не такой, каким он его ожидал.

Маласт не собирается его убивать. Просто хочет вернуть Урну. Мальчик, похоже, не волнует и не интересуется его.

И всё же, Бездействующий Бог не уходит. Он просто сидит здесь, на каменном стуле. Мальчик ни разу не видел, чтобы он вставал. Даже когда Маласт впервые здесь появился, он уже сидел на нём. Мальчик не понимает. Но опять же, такова таинственность божественных сил, полагает он.

Он задаёт Маласту множество вопросов, желает лучше узнать Бога Преисподней, но это трудный процесс. Едва ли бог обращает внимание на него. Единственная тема, которая способна зажечь в нём хоть какой-то интерес, это другие боги. Изначальные.

Мальчику чрезмерно интересно, куда они все ушли и зачем. Но в конце концов Маласт говорит, что не знает, а мальчик не знает, верит ли ему. Маласт знает многое, чего знать не должен, но Он никогда не объясняет откуда. Это весьма разочаровывает, но что он может

сделать? Этот мужчина бог, а мальчик нет.

Урна Роста, или Развития, как он узнаёт позже, может это изменить. Он молит бога даровать её ему, но Бездействующий Бог отказывает.

- Она превратит тебя в пыль, - говорит он.

Это начинает раздражать мальчика всё больше. Если только ему удастся стать богом, думает он, это несомненно докажет его величие другим Гонам.

И тогда приходит Сураж'Бюк. Склизкая Болезнь.

Хунь'куй обнаружили ужасное оружие против Хунь'шо, и использовали его с непомерным злорадством. Столько родных мальчика превратились в мерзость природы. Безумных убийц. Хаос и зло воплотили.

Он видел, как некоторые Хунь'куй смеялись с демоническим безумием, пока мир рассыпался вокруг них.

Он не может и придумать ничего ужаснее. Он умоляет Маласта помочь. Он просит у Маласта божественной силы, силы для спасения своих людей.

Но Бездействующий Бог остаётся именно таким.

Это Апокалипсис Хунь'шо.

Гиммикель их единственный спаситель. Без него все в Гиммистате обязательно бы погибли. Так нескольким сотням удалось спастись.

Но мир теперь изменился навсегда. Хунь'шо на грани вымирания.

Всё остальное бессмысленно. Его дразги с другими Гонами. Его сокровище. Его ревность. Всё это жалкая чушь. Лишь выживание его народа теперь имеет значение.

Поэтому они прячутся. Остаются тихими. И ничего не делают. Они бессмертны. Они могут быть настолько терпеливыми, насколько захотят. Время возрождения обязательно вернётся, если они просто выдержат.

Мальчик пользуется множеством инструментов в своём распоряжении, чтобы в тайне выходить и искать других Хунь'шо. Он определённо не мог быть единственным Гоном, которому удалось выжить. И действительно, другие есть, хотя их мало, как и ожидалось.

Они сломлены. Они в ужасе, точно как и он. Некоторые даже разговаривать с ним отказываются, такая у них паранойя. Они будто не понимают причину Склизкой Болезни, думают, что это божественное наказание за то что они предали желания Авароса столько лет назад.

Надежда слабее, чем когда-либо. Даже Торош заикнулся на своей неудаче.

Мальчик не знает что делать. Когда он возвращается в Гиммикель, то обнаруживает, что его подданные в него больше не верят. Они отказываются принимать его своим Гоном.

Ладно.

Ему не нужна ответная любовь. Ему не требуется, чтобы они помогали по своей воле. Мальчик исчезает из их жизней и прячется. Он использует свои инструменты, чтобы наблюдать за ними, защищать их, наставлять их, и да, временами принуждать их. Дел слишком много для него одного. Его людям требуется больше могущества. Больше сокровищ. Больше магии. И они должны помочь ему добиться этого.

Деликатный баланс достигнут в Гиммикеле. Он полностью там забыт. Только старейшие Хунь'шо помнят его. Только они знают о его защите и намерениях. Но этого достаточно. Он не желает вновь быть Гоном. Он даже не уверен, сможет ли вновь выполнять эту работу.

Маласт признал его неподходящим и, наверно, в этом была правда. Мальчик так думает уже довольно давно. Он хочет сделать что-нибудь. Он хочет восстановить своих людей. Но как ему это сделать? Когда он уже столько раз претерпевал такие полномасштабные неудачи? Что он может сделать сам? Собрать сокровище? А смысл? Какая надежда осталась на самом деле?

Он не знает ответов на эти вопросы. Он не знает почему или зачем продолжает.

Он посещает Главных Архиваторов в Люгхе. Они удивлены встрече с живым Хунь'шо и проявляют к нему любезность. Он использует их ресурсы, чтобы провести собственное исследование Изначальных богов и божественности как таковой.

Это очень медленный процесс. У него возникают трудности с языками, которые они используют для записи. Главные Архиваторы позволили ему приходить и уходить по своему желанию. Он вознаграждает их за помощь.

И тогда в Гиммикеле появляется Эттол.

Мальчик в ужасе. Всё начинает меняться. Он знает, что приход Эттола приведёт к ним больше чужаков. Его собратья вновь в опасности. Он должен принять решительные действия. Потому что...

Потому что он знает, что...

Он знает...

Он знает...?

Он...?

Зрение пошло волной. Ройо обнаружил себя ровно там же, где он и был, рядом с до сих пор умирающим Сейосом.

У него было столько вопросов, но главным среди них был «что только что произошло?»

Он увидел всю жизнь Сейоса, конечно. Это было ясно. Но менее ясным, тем не менее, был такой резкий конец. История не казалась законченной. Скорее, её словно разорвали на середине.

И сразу после появления Эттола.

Теперь всё начинало казаться странным. Ройо чувствовал дрожащие изменения в своём замедленном восприятии. И они были лёгкими, но ему показалось, что он видит разницу в скорости всего. Его рука двигалась быстрее. Сейос падал быстрее. Информация из него

извергалась быстрее.

Всё ещё жутко медленно, но не настолько медленно.

И это предполагало, по мнению Ройо, что маленькое шоу подходит к концу. Может ему даже не придётся ждать, пока рука дотянется до Пронзительного Взгляда, может всё развалится раньше.

Перед видением, которое ему только что предстало, он бы посчитал это хорошей новостью, но теперь был неуверен. Сейос был гейзером знаний. Ройо ещё столько мог узнать.

И, наверно, себе на злобу, он теперь ненавидел Сейоса немного меньше. Недостаточно, чтобы жалеть о его убийстве, определённо, но Ройо было трудно не испытывать к нему жалость.

Это было странно.

Такой уровень понимания достигался, когда кто-то попросту узнавал, через что человек прошёл. Ройо видел это так же, как если бы прожил жизнь Сейоса сам. И такой градус эмоциональной связи...

Был неприятен. Ему сейчас не требовалось затуманивать мысли. Он должен был удерживать своё внимание.

К счастью, это было довольно просто. Он мог просто напомнить себе, что Сейос пытался убить его, и убил бы, но Ройо успел первым.

Никакие эмоции не могут противодействовать такому факту, в этом Ройо был уверен.

И всё же, он не хотел заканчивать это, не сейчас. Он желал знать больше. Ему было необходимо знать больше.

Об Эттоле. Может Глаз сможет ему что-нибудь сказать. Даже если воспоминания Сейоса исказили, даже если они на пути к исчезновению посреди этого задержавшегося момента, наверно он может достать ещё что-нибудь.

Ройо должен был попытаться. Он потребовал от Глаза большего. Больше деталей. Больше всего.

И Глаз дал ему это.

Знания Сейоса были беспорядочны. Они разлетались всюду и исчезали в никуда. Так много информации, текущей во всех направлениях. Ничего из этого не могло собраться в последовательность, чтобы сформировать ещё одно видение для Ройо, но ему всё равно удавалось уловить части и куски. И тогда он заметил проблеск желаемого.

Встреча Эттола с Маластом.

Слова были сказаны в этом воспоминании, но их было не понять. Силуэты и даже лица были показаны в нём, но они были искажены и рассыпались. Всё было не так, он будто смотрел через потрескавшееся и кривое окно, где даже свет по другую сторону затемнялся.

Первым было то, что Эттол оказался не один. С ним был компаньон. Огромный, чудовищный компаньон. Вторым было то, что Эттол, судя по тону его кожи, был с поверхности. Но третьим

было то, что показалось Ройо самым странным.

У Эттола был рог посреди лба.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/255638>